

оценочным смыслом при помощи специальных словообразовательных аффиксов становится 'степень проявления качества': *ленцо* [СРНГ 16, 357], *ленище* [СРНГ 16, 355], *ленущий* [СРНГ 16, 357], *ленивающий* [СРНГ 16, 353], *ленуха* [СРНГ 16, 357] и др. Таким образом, лень здесь сравнивается сама с собой как с антиномой по количественному критерию.

Л.А. Феоктистова

К анализу денотативного уровня концептуального поля «Исчезновение»

Анализ глагольной семантики, как правило, учитывает проекцию смысловой структуры глагола на синтаксический уровень, поскольку число актантных мест задается значением предиката (свойством его семантической валентности). В соответствии с этим собственно предикатное значение нередко рассматривают в качестве сигнификата лексического значения глагола, а его денотативный компонент представляют в виде «свернутой» пропозиции, включающей участников ситуации (семантических актантов). Область применения результатов такого анализа, как известно, выходит за рамки собственно лексикографического описания, изучение денотативных классов актантов позволяет провести типологию отображаемых глаголами ситуаций и охарактеризовать самих актантов (субъектов действия) как носителей тех или иных признаков³⁶. В настоящей статье предпринята попытка экстраполировать названные принципы исследования из области лексической семантики в сферу ономастологии и использовать данную модель описания при анализе способов номинации глагольного действия – 'исчезать, пропадать'.

Обоснованием такого подхода служит возможность реализации валентности предикатного значения не только в контекстной сочетаемости (ограничениях на сочетаемость) соответствующей лексической единицы, но и в ее внутренней форме. Это наиболее очевидно тогда, когда они суть одно и то же: так, во внутренней форме многих фразеологизмов изучаемого лексико-семантического поля находит отражение типовая лексическая сочетаемость входящих в их состав глаголов. См. лит. *как водой смыло* 'о внезапном и полном исчезновении кого-, чего-л.' [МАС 1, 192], *как (словно, точно) ветром сдуло* 'о внезапном исчезновении кого-, чего-л.' [МАС 1, 158], диал. *как рукой взяло* 'сразу, совершенно, бесследно прошло' [НОС 1, 126], лит. *провалиться в тартарары* 'неизвестно куда пропасть; исчезнуть' [СРФ, 565] и др. Во внутрен-

³⁶ См. Плотникова А.М. Денотативно-референциальное пространство русского глагола // Русская глагольная лексика: денотативное пространство. Екатеринбург, 1999. С. 99–139.

ней форме однословных лексических единиц (глаголов) предметный компонент имплицитно содержится тогда, когда они образованы от имени существительного или от глагола, имеющего узкореферентное значение. Есть один замечательный случай совпадения референта мотивирующего значения всех перечисленных типов номинаций, этим референтом является ветер. См. фразеологизмы: кроме лит. *как (словно, точно) ветром сдуло*, разг. *ищи (свищи, догоняй) ветра в поле* 'о бесполозных поисках, преследовании' [МАС 1, 158; ФСРЛЯ 1, 285], диал. *по ветру выйти* 'бесследно исчезнуть, уничтожиться; как бы выветриться' [СПГ 1, 137]; отыменные глаголы: лит. *выветриться* 'исчезнуть, уничтожиться под действием ветра, свежего воздуха', '(обычно в сочетании со словами: «из памяти», «из головы») забыться' [МАС 1, 248], диал. *заветриться* 'уйти, скрыться, пропасть' [СРНГ 9, 310], *завихориться*, *завихриться* 'уйти неизвестно куда, пропасть' [СРНГ 9, 320]; наконец, производные референтно ограниченных глаголов: диал. *веяться* 'исчезать, пропадать надолго, скрываться' [СРНГ 4, 230], *завеяться* 'уйти, скрыться, пропасть' [СРНГ 9, 312]. Специфика данной группы номинаций отчетливее проступает в сравнении с теми, чьей производящей основой являются глаголы с абстрактным значением (см., например, диал. *вывестись* 'исчезнуть, пропасть, перевестись' [КДЭИС], *выжиться* 'вывестись, исчезнуть' [СРГК 1, 263]) или глаголы с конкретным, но не имеющим жесткой референции значением (см., например, *выйти* 'исчезнуть, пропасть, перевестись' [КДЭИС], *выпасть* 'исчезнуть, перевестись' [СРГК 1, 276]).

Анализ денотативного уровня концептуального поля имеет целью проведение типологии актантных компонентов, которая бы учитывала модели мотивации глагольного действия: так, можно выделить функцию *субъекта исчезновения* – см., например, диал. *исчезать как молица* 'быстро исчезать', где *молица* 'снежинка' [ФСРГС, 89], *исчезать как свечка* 'умереть' [НОС 10, 21]; *субъекта-каузатора* – лит. *как водой смыло, как (словно, точно) ветром сдуло*; *образа действия* – лит. *пойти (рассыпаться, разлететься) прахом* 'погибнуть, уничтожиться' [МАС 3, 359], диал. *прахом взяться* 'исчезнуть, пропасть, перевестись' [КДЭИС; СРНГ 31, 70]; *инструмента* – диал. *как рукой взяло, взял безрукой* 'исчез в неизвестном направлении (о чем-н. пропавшем)' [АОС 4, 83]; *места* – лит. *провалиться в тартарары* 'неизвестно куда пропасть; исчезнуть' [СРФ, 565] и др. В целом, конечно, такая типология базируется на классификации синтаксических актантов, это касается не только самих выделяемых функциональных классов, но, в частности, и того, что при анализе глагольно-именных сочетаний необходимо учитывать морфолого-синтаксическое оформление имени. Однако в ряде случаев решающую роль в отнесении предметного компонента к какому-либо денотативно-

му классу приобретают мотивационные отношения (см., например, выражение *взял безрукой*, где синтаксическому субъекту-каузатору действия соответствует семантический актант инструмента). В данной статье мы ограничимся рассмотрением перечня только тех предметных имен, которые могут претендовать на замещение валентности субъекта-каузатора исчезновения.

В этой функции могут выступать природные стихии (вода, огонь), метеорологические явления (ветер, иней и изморозь, медовая роса), животные (корова, собака), птицы (ворона), нечистая сила и человек.

С движением природных объектов – *воды* и *ветра* – связан мотив исчезновения как перемещения в пространстве, см. лит. *как водой смыло*, диал. *утечь с коломутной водой* ‘исчезнуть бесследно’ [СРДГ 3, 174], *стечь* ‘исчезнуть, пропасть, перевестись’ [КДЭИС], *пойти на стёк* ‘пойти прахом, пропасть’ [КСГРС], а также лит. *как (словно, точно) ветром сдуло, выветриться*, диал. *по ветру выйти, заветриться, завихориться, завихриться и веяться, завеяться* (см. выше).

Во фразеологизмах *как водой смыло* и *как (словно, точно) ветром сдуло* актуализируется не только признак самого течения воды или движения ветра, но и быстроты совершаемого ими действия. В народной традиции именно проточная вода и ветер считаются наиболее устойчивыми символами быстроты³⁷, собственно на языковом уровне семантика движения воды и ветра является одним из источников значения ‘быстрый’³⁸. В то же время быстротой отличается и осмысляемое как передвижение в пространстве исчезновение, см., например, разг. *нырять* ‘исчезать из виду, быстро войдя, въехав куда-л., скрывшись среди кого-, чего-л.’ [МАС 2, 516], таким образом, в приведенных фразеологизмах этот способ исчезновения получается как нельзя более адекватное выражение.

В отличие от ветра вода является также носителем признака ‘не оставляющий никаких следов, бесследный’, что обусловлено тем же свойством ее текучести. См. значения фразеологизмов *как водой смыло* ‘о внезапном и полном исчезновении кого-, чего-л.’, *утечь с коломутной водой* ‘исчезнуть бесследно’ (ср. *коломутный* ‘нечистый, непрозрачный, мутный (о воде, водном источнике)’ [СРНГ 14, 170], т.е. речь идет о разлившейся в половодье реке). Кроме того, следов не оставляет водная поверхность (ср. *писать вилами по воде*), а упавшее в воду не только относится течением, но, погружаясь в воду, тонет (отсюда сравнение с растворяющейся в воде каплей). См. лит. *как в воду кануть* ‘бесследно исчезнуть, скрыться из виду’, лит. *кануть в Лету* ‘бесследно и навсегда

³⁷ Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М., 1995. С.281, 388.

³⁸ Варбот Ж.Ж. К этимологии славянских прилагательных со значением ‘быстрый’. III // Этимология. 1994–1996. М., 1997. С. 35–46.

исчезнуть, уйти в небытие (о человеке)' [СРФ, 337], диал. *как в воду пал* 'бесследно исчез, как в воду канул' [СРГК 4, 406], а также прост. *(и) концы в воду (прятать, хоронить)* 'дело кончено; не осталось никаких следов, улик преступления', 'об уничтожении чего-л. предосудительно-го, что необходимо скрыть' [СРФ, 293–294], устар. прост. *в куль да в воду* 'чтобы не осталось никаких следов, улик чего-л.' [СРФ, 321].

Особого комментария требует яросл. *как Дунай побрал* 'о полном отсутствии чего-л.' [ЯОС К–Люва, 10]. Скорее всего его появление связано с процессом вторичного апеллятивного функционирования гидронима, которому сопутствует народноэтимологическое переосмысление имени по связи с гл. *дуть, дунуть*³⁹. Это, в частности, доказывает тот факт, что в вологодских говорах фиксируются одноструктурные варианты названия открытого возвышенного места – *дунай* и *дуван* (т.е. такое место, где дует ветер, см. также арх. *дуван* 'сильный ветер') [КСГРС]. Если говорить о том, насколько вероятно сближение с дериватами гл. *дуть, дунуть* именного компонента яросл. *как Дунай побрал*, то следует учитывать, что в тех же говорах записана идиома *побрел как Дунай* 'о разоренном, все потерявшем'⁴⁰ (т.е. все продувшем), подтверждающая факт вторичного осмысления гидронима. См. также устар. *дунаем смотреть* 'о чьем-л. угрюмом, неприветливом, строгом взгляде' (т.е. надувшись), отношения между именным производным гл. *дуть, дунуть* – *дунай*, и глагольным – *дуться* обыгрываются в поговорке *Дунаем смотрит: дунет и помин пошел, не усидишь*⁴¹.

Вместе с тем до конца не исключена вероятность употребления в яросл. *как Дунай побрал* имени для обозначения водного объекта (ср. диал. *дунай* 'ручеек, вытекающий из-под земли' [КСГРС]), хотя это кажется менее обоснованным: в русском языке не зафиксировано тех значений, которые бы объясняли внутреннюю форму идиомы. Ср., например, укр. *дунай* 'разлив реки, вообще большое скопление воды' [Гринченко 1, 456], польск. *dunaj* 'далекая неизвестная река; море; большая река; разлив реки; глубокое болото; болотистое пространство; водная глубина; глубокая стоячая вода', чеш. диал. *dunaj* 'большая река; полноводное течение реки; разлившаяся вода'⁴². В то же время в восточнославянских, в том числе и русских, фольклорных и

³⁹ О невозможности объяснения некоторых апеллятивных соответствий гидронима его спонтанным семантическим развитием, а только в связи с действием народной этимологии и сближением с гл. *дуть, дунуть* пишет Ж.Ж. Варбот. См. Варбот Ж.Ж. *Дунай* в русской народноэтимологической реинтерпретации // Folia slavistica: Пале Михайловне Цейтлин. М., 2000. С. 5–9.

⁴⁰ Подюков И.А. Культурно-семиотические аспекты народной фразеологии: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1997.

⁴¹ Кондратьева Т.Н. Собственные имена в пословицах, поговорках и загадках русского народа // Вопросы грамматики и лексикологии русского языка. Казань, 1964. С. 156.

⁴² Варбот Ж.Ж. Указ. соч. С. 6–7.

обрядовых текстах образ Дуная достаточно устойчив и выступает в различных вариантах, включая его антропоморфную персонификацию⁴³.

Об устойчивости образов воды и ветра, помимо немалого числа номинаций с их участием, говорит то, что они используются для выражения противоположных семантике исчезновения смыслов: 'возникнуть, появиться', 'начаться' и т.п. См. диал. *девятым валом вынесло (вынесет)* 'о неожиданно найденной пропаже' [СПГ 1, 142] и разг. *какой ветер занес (какие ветры занесли, каким ветром занесло)* 'о неизвестной причине появления; о неожиданном прибытии кого-, чего-л.' [МАС 1, 158; ФСРЛЯ 1, 285], прост. *каким ветром (какими ветрами)* 'удивление по поводу неожиданного появления кого-л.' [ФСРЛЯ 1, 73], *вётряной* 'неожиданно появившийся, неожиданный' [АОС 4, 22], а также диал. *поддуть* 'неожиданно появиться' [СРГК 4, 627].

Включение в рассматриваемый функциональный класс *огня* как предметного компонента исходной семантики горения представляется спорным ввиду невозможности разграничить процесс и субстанцию. Не случайно отсутствие устойчивых сочетаний с именным компонентом *огонь*, во внутренней форме которых была бы репрезентирована идея разрушительного, ведущего к уничтожению горения: см. диал. *сгореть и дыма нет* 'пропасть, бесследно кануть' [КДЭИС]⁴⁴. Во внутренней форме этого фразеологизма помимо обозначения разрушительного характера горения (ср. диал. *испечься* 'исчезнуть, уничтожиться, перевестись' [КСРГС]) содержится также указание на наличие дыма как обязательного атрибута огня (ср. погов. *нет дыма без огня*). Правда, для характеристики производного важной оказывается информация как раз о его отсутствии – исчезнуть, не оставив никаких следов.

Вместе с тем не исключено, что на мотивационном уровне наряду с подобными причинно-следственными отношениями между процессом горения и исчезновением как его результатом может существовать и более глубокая связь. Имеется в виду широко известная культурная метафора «огонь как жизнь, бытие вообще», нашедшая отражение во многих языковых фактах, см. хотя бы лит. *теплиться* 'слабо, еле заметно проявляться, еле существовать (о жизни, чувстве, сознании и т.п.); тлеть' [МАС 4, 361], диал. *гаснуть как свечи* 'умирать' [АОС 9, 49], *погаснуть* 'умереть, погибнуть (о человеке, животном, растении)', 'иссякнуть (о роднике, источнике)' [СРНГ 27, 290] и др.

⁴³ Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М., 2002. С. 148–149.

⁴⁴ Ср. с лит. *днем с огнем не найти (не сыскать)* 'нельзя найти, даже прилагая значительные усилия' [МАС 1, 406] и диал. *не найти ни днём с огнём, ни вечером с лучиной* 'о том, что исчезло, пропало' [ФСРГС, 118], где *огонь* обозначает источник света и выступает таким образом в собственно предметном значении.

Сравнение с диал. *знéяться* ‘исчезнуть, пропасть’ [СРНГ 11, 315], производным от гл. *знеть, знéять* ‘чуть-чуть гореть, тлеть’ [СРНГ 11, 315] (от *зной* [Фасмер 2, 101]), обнаруживает номинативную значимость слабой, незначительной степени горения. Отсюда возможно двоякое объяснение происхождения гл. *знéяться*: источником значения может быть ‘тухнуть, затухать’ и одновременно ‘становиться невидимым, незаметным’ (см. переносное значение лит. *тлеть* ‘существовать в скрытом виде, где-н. в глубине, почти не обнаруживаясь’ [МАС 4, 370]). Ср. в плане типологии диал. *затухнуть* ‘рассеяться, разойтись, исчезнуть’ [ПОС 12, 204], *потухнуть* ‘окончиться, завершиться (о свадьбе)’, ‘исчезнуть, надолго пропасть’ [СРНГ 30, 318] и *притушиться* ‘исчезнуть, пропасть, перевестись’ [КДЭИС]⁴⁵.

В группу метеорологических явлений, кроме ветра, близкого природной стихии – воде, входят также атмосферные осадки, прежде всего *иней, изморозь*. Оседая на поверхности предметов, они тем самым скрывают их, прячут – таковы отношения мотивации между значениями диал. *охинéть* ‘обынदेветь’ и ‘сгинуть, пропасть, исчезнуть’ [КСГРС]. Ср. диал. *накрыться* ‘исчезнуть’ [КСГРС], *покрыться* ‘исчезнуть, пропасть, перевестись’ [КДЭИС]. Знаменателен выбор в качестве производящей основы именно деривата диал. *óхинь* ‘иней, изморозь’ [КСГРС]. Внутреннюю форму этого названия инея проясняет имеющее тот же ареал слово *óхить* (волог.) [КСГРС] – обозначение инея как покрытия, см. волог. *охítка* ‘одежда’ [КСГРС]⁴⁶. Сущ. *óхинь* образовано с помощью суф. -нь от того же, что и *óхить*, глагола, см. *охítить* ‘нарядиться’ (вят.), ‘утеплить (избу, сарай и т.п.), обложив соломой и обвалив навозом, землей’ (север., вост.) и др. [СРНГ 25, 31]. Впрочем, очень трудно соотносить факты внутренней мотивации обозначений инея и внешней – обындеветь и судить о том, насколько слово *óхинь* может быть мотивировано на синхронном уровне: ‘обындеветь’ значит только покрыться инеем и ничего больше, тогда как свойство инея служить покровом – всего лишь один из возможных признаков его номинации.

Для диал. *ры́нда съела* ‘о чем-либо внезапно пропавшем’ [КСГРС] при *ры́нда* ‘иней, изморозь’, ‘густой в виде снега иней, лежащий на деревьях’, ‘первый снег’ [КСГРС] исходные смысловые звенья те же – прятанье, укрывание, с которыми далее ассоциируется процесс погло-

⁴⁵ Вообще, такое сцепление семантических моделей, отображающее существующую тесную взаимосвязь огня и света, наблюдается отнюдь не всегда: например, для значений *гаснуть* как *свечи* и *погаснуть* более актуальна идея горения, тогда как для диал. *пригорать* ‘исчезать, уходить (об облаках)’ [КСГРС], напротив, толчок номинации даст идея света.

⁴⁶ *Варбот Ж.Ж.* К этимологии праславянского названия инея // *Этимология.* 1997–1999. М., 2000. С. 14.

щения пищи. Следует заметить, что «пищевой» образ регулярно используется для обозначения ситуации пропажи или потери чего-либо: см. переносное значение лит. *сьедать* 'полностью истреблять, уничтожать (о силах природы)', разг. 'губить, не давать существовать, действовать' [ССРЛЯ 14, 1335], диал. *подъела война людей* 'о людях, погибших во время войны' [КСГРС] и т.п. Вместе с тем во внутренней форме диал. *как мжа съела* 'о чем-л. быстро исчезнувшем' [СРНГ 18, 151], см. *имжа́* 'изморось, мелкий дождь, медовая роса' [СРНГ 23, 193], глагол, по-видимому, употреблен в прямом значении: медовая роса (сахаристые выделения тлей и других сосущих насекомых) разъедает листья растений и вызывает их болезнь (откуда далее 'гибель, смерть; потеря, исчезновение')⁴⁷.

Образ **вороны** – см. диал. *ворона (на гнездо) унесла* 'о внезапном исчезновении, потере чего-л.' [СПГ 1, 119] – задействуется благодаря присутствующим в его символике мотивам хищности, разбоя, кражи⁴⁸.

Участие в процессе номинации образа **коровы** объясняется типичностью той бытийной ситуации, которая отображена во внутренней форме прост. *как корова языком слизнула* 'кто-л. (что-л.) в один миг исчез(ло), будто и не было', 'что-л. пропало, прошло впустую' [ФСРЛЯ 1, 321]⁴⁹, и отчасти экспрессивной маркированностью этого образа в просторечии⁵⁰. Ничего похожего мы не находим ни в мифологии и фольклоре славян, ни в лексике диалекта, где корова предстает как воплощение богатства и ипостась прозовых туч⁵¹ и где запечатлен прежде всего ее внешний облик, лишенный каких бы то ни было негативных коннотаций⁵².

В номинациях на базе образа **собаки** это животное также предстает в наиболее типичных для него ситуациях: часто собака хватается и уносит что-либо в зубах – см. *собака схватила* 'исчезло, пропало' [КСГРС], зацепляет что-либо, подбирает хвостом – см. *пес на хвосте унес* 'об очень быстром исчезновении кого-, чего-л.' [СОГ 9, 83]. Образ собаки, держащей что-либо в зубах, находит отражение в предметной диалектной лексике, где широко используется для номинации различного рода зажимов, креплений и т.п. См., например, диал. *собака* 'сельскохозяйственный инструмент, разновидность вил с двумя или тремя загнутыми зубьями', 'уклучина, в ко-

⁴⁷ Подробнее см.: Феоктистова Л.А. К семантической реконструкции рус. диал. *как мжа съела* 'пропасть, исчезнуть' // Этимологические исследования. Вып. 7. Екатеринбург, 2001. С. 90–96.

⁴⁸ Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 535–536.

⁴⁹ Ср. диал. *коровий язык* 'луговое растение с узкими гладкими листьями' [СРГСУ-Д, 251].

⁵⁰ См. прост. *корова* 'о толстой неуклюжей, а также неумной женщине' [МАС 2, 106], *идет (пристало) как (к) корове седло* 'совсем не идет, выглядит смешно, нелепо (об одежде)', *сидит как на корове седло* 'о нескладной, плохо сидящей одежде' [МАС 4, 69] и др.

⁵¹ Славянские древности. Т. 2. С. 608–609.

⁵² Иванова Е.Н. Пути семантического развития конкретной лексики (на материале отзоонимических дериватов в русском языке): Дипломная работа. Екатеринбург, 2000.

торой крепится весло на плоту', 'длинная толстая жердь или крепкая веревка прутьев, при помощи которой скрепляют звенья плота' [КСГРС]. См. также груб. прост. *присобачить* 'прикрепить, приделать что-л. к чему-л.' [МАС 3, 441], способное прояснить мотивацию яросл. *засобачить* 'засунуть, спрятать, положить куда-л. и забыть об этом' [СРНГ 11, 47], откуда *засобачиться* 'заведаться куда-л., исчезнуть, пропасть' [СРНГ 11, 47].

С другой стороны, оформление глагола *засобачить* приставкой *за-* побуждает усматривать в нем следы народноэтимологической реинтерпретации яросл. *запсать* (яросл.) 'заложить, засунуть неизвестно куда, затерять, запропастить' [Даль 1, 623; СРНГ 10, 364], производного от **рѣхати* / **рѣхати* 'толкать, колоть'⁵³. Условиями аттракции глагола *запсать* к существительному *пес* могли стать омонимия корней этих слов и экспрессивности глагольной семантики. Из-за формального тождества лексем народная этимология находит следующий способ выражения: вместо мотивирующей основы *пес* используется ее коррелят – *собака*, под который и «подгоняется» мотивируемое слово.

Не исключено, что в диал. *пес на хвосте унес* 'об очень быстром исчезновении кого-, чего-л.' [СОГ 9, 83] собака выполняет функцию номинативного дублета черта, см. распространенные поверья о появлении черта в собачьем облике⁵⁴. Обращает на себя внимание структурный параллелизм выражений *пес на хвосте унес* и имеющего противоположное значение *черт на хвосте принес* 'о неожиданной прибыли' [Михельсон 2, 509], мотив унесения нечистой силой достаточно устойчив. См. диал. *изрец Покромкин ухватил кого-л. при изрец* 'нечистый или злой дух, бес; домовый' [СРНГ 12, 70], *леший унес* 'о заблудившемся, потерявшемся человеке' [КСГРС]. Ср. диал. *бес (пес) таскает* 'кто-л. исчезает, пропадает где-н.; черт (нелегкая) носит' [СРГСП 1, 46], где субституция эксплицитно выражена. В системе языка подобное варьирование в большей степени обусловлено экспрессивной маркированностью образов; в силу известной выходности содержания таких образов оно в данном случае оторвано от лежащего в основе субституции явления метаморфозы⁵⁵.

Итак, негативные коннотации, связанные с образом собаки, могут служить фактором вторичного переосмысления, когда имеет место определенная перекодировка означаемых через название животного. Это может быть вызвано утратой лексемами мотивированности и/или их экспрессивным потенциалом.

⁵³ Варбот Ж.Ж. О специфике диалектной этимологии // Этимологические исследования. Вып. 6. Екатеринбург, 1996. С. 12.

⁵⁴ Славянская мифология. С. 440.

⁵⁵ О субституции как форме реализации мотива в смысловой структуре макрообраза черта см.: Березович Е.Л., Родионова И.В. «Текст черта» в русском языке и традиционной культуре: к проблеме сквозных мотивов // Между двумя мирами: Представления о демоническом и потустороннем в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2002. С. 14.

С мотивом унесения *нечистой силой* пересекается не менее устойчивый для образа черта мотив ноши: см. приведенное выше *бес таскает*, а также диал. *где беси носят* 'куда запропастился' [ПОС 1, 186], *леший (лешак) носит* 'о долгом отсутствии кого-л.' [НОС 5, 23; СРГК 3, 121], – которую он имеет обыкновение рассыпать: см. *черт в корзине нес, да растрес* 'не скоро найдешь – все разбросано в беспорядке' [Михельсон 2, 509]⁵⁶. Однако последнее – информация об утрате чертом своей ноши – менее значима для образа черта как субъекта-каузатора исчезновения, чем представления о потере какой-либо вещи, пропажи человека или скотины как взятого, унесенного чертом. Их могут, в частности, дополнить поверья о том, что проклятия женщинами, в том числе и беременными, своих детей (*черт его возьми! чтоб черт его взял!*) могут в буквальном смысле осуществляться, – так объясняют неудачную беременность [Зеленин 2, 17–18]. В бытовой обрядности существуют обычаи обращения к черту с просьбой вернуть пропажу: ему можно оставить берестяное послание на перекрестке дорог или в дупле старого дуба [ЭМ ТЭ] или можно *завязать чёрту бороду*, обвязав ножки стола со словами «черт, черт, поиграй да отдай» [СОС, 988; СРНГ 9, 349].

Инициировать пропажу черт может также, пряча какой-либо предмет, скрывая его: см. *луканька хвостом накрыл* 'о вещи, пропавшей рукавице' [Зеленин 2, 101–102], или – съедая: см. *как черти с квасом хлебали* 'не обнаружить, не найти что-л., что-л. исчезло' [НОС 12, 54]. Если первое еще можно рассматривать как некую трансформацию мотива унесения чертом, то второе – чистой воды экспрессив, созданный в соответствии с актуальной семантической моделью (поглощение пищи)⁵⁷.

Из всех встречающихся в приведенных примерах атрибутов и атрибутивов черта только борода и хвост входят в его образ как субъекта-каузатора исчезновения, при этом одна «часть тела» выступает только как мотиватор (хвост), другая – и как мотиватор и как мотивема (борода). С одной стороны, выражение *завязать черту бороду* отражает ритуальную практику магического (апотропейного) заключения в круг, с

⁵⁶ См. также в паремологии: *это село черт в кузове нес, да кучками растрес; словно черт из кузова насыл; нес черт грибы в коробе, да рассыпал по бору: и выросли однодворцы* [Даль ПРН 3, 139; 2, 14], – и в топонимии: ур. *Лешева Ноша* («леший ладил завалить камнями Свидское устье, да лямки его пестеря оборвались, камни высыпались. Вот там камни и лежат грудой»; «Леший шёл с рюкзаком берестяным, лямки порвались, камни высыпались, потому урочище Лешевой Ношей назвали» и др.), ур. *Чёртова Ноша* (Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000. С. 436, 242).

⁵⁷ «За бортом» остались вербальные формулы, отсылающие к черту (проклятия), которые интересны только тем, что демонстрируют разнообразие наименований нечисти, см., например, диал. *жсіхарь (жсіхорь) с тобой!, (иди) к жсіхорю!* [КСГРС; СРГК 2, 70], *кабы тебя лёмба унес!, к лёмбою (лёмбому) тебя (пошел), лёмбой его (тебя) взял* [СРГК 3, 110], *мадеж возьми (задери), к мадежу (послать)* [СРГК 3, 185] и др.

другой стороны, ср. с ритуальной *бородой* (символом окончания жатвы), которая может выступать «в функции постоянного эпитета мифического персонажа обряда – «козла», «деда», «бога», «святого» (ср. рус. курск. *Илья-борода* ‘борода’) – и его иносказательного обозначения»⁵⁸.

Не простой вопрос, насколько функция субъекта-каузатора характерна для человека: в подавляющем большинстве случаев мы имеем дело с антропоморфизацией идеального субъекта действия, которая достигается путем его называния именем собственным. Исключение составляет диал. *как бабки уносили, как к бабке отходилась* (*отходилсь*) ‘все прошло, бесследно исчезло (о болезни, неприятностях)’ при *бабка* ‘лекарка, знахарка’ [СОГ 1, 52].

В этом отношении показательно то, что могут использоваться самые частотные имена: см. диал. *Ванька прял* ‘о внезапном исчезновении кого-л.’ [СРГК 1, 161], *как Фома смел* ‘совсем ничего, как корова языком слизнула’ [КСГРС]⁵⁹, – которые по своему значению сопоставимы с местоимениями. В появлении других имен не последнюю роль играют процессы паронимической аттракции. См. *Митька – мести, мотать*: диал. (*его и*) *Митька прял* ‘об убежавшем, исчезнувшем человеке’ [СРНГ 18, 178], ср. обозначения в загадках именем *Митька* веника и саней⁶⁰, *митька-зул* ‘кулик’ [СРГСУ-Д, 300], *митя* ‘бабочка’ [СРГСУ-Д, 300] и ‘растяпа’ [СРГСУ 2, 133]; *Устинья – стынуть*: диал. *Устинья ночевала* ‘об открытой двери, исчезнувшей вещи и т.п.’ (первоначально о плохо протопленной, холодной бане) [КСГРС]. Аттракция имени собственного к глаголу-мотиватору заслуживает внимания с точки зрения возможностей реализации семантической валентности предиката: заполняя синтаксическую позицию субъекта действия, онома вместе с тем кодифицирует исходное глагольное действие (см. также пару *Дунай – дунуть* в диал. *как Дунай побрал* ‘о полном отсутствии чего-л.’, которое рассматривалось выше в связи с образом ветра).

Вместе с тем нельзя не отметить, что формирование фразеологизмов с именем собственным происходит на фоне мифологических представлений о действиях нечистой силы, которые могут стимулировать их вторичное переосмысление. Самый яркий пример – *Устинья*, которая символизирует собой непротопленную или выстывшую баню (см. арх. (В-Т) *Устинья зашла* (*застела*), *Устинью запустил*, *баня как Устинья*) и может отождествляться с банным духом («обдерихой» (Пин)), см. контекст: *Поздно в баню пойдешь, дак устенъ там, стень-от тебя схватит* [КСГРС].

⁵⁸ Славянские древности. Т. 1. С. 233–234.

⁵⁹ *Фома* наряду с именем *Иван* является, по свидетельству Ю.В. Алабугиной, самым распространенным мужским именем, упоминающимся в пословицах (соответственно 39 и 55 фиксаций у В.И. Даля). – См.: *Алабугина Ю.В.* Пословицы и поговорки с ономастическим компонентом в русском и болгарском языках // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т. 6. Екатеринбург, 2001. С. 79.

⁶⁰ *Юдин А.В.* Ономастикон восточнославянских загадок (рукопись).

Диал. как *Мамай побрал* 'о полном отсутствии чего-л.' [ЯОС К–Лиова, 10] – единственный случай, когда у имени есть конкретный носитель (правда, и здесь не обходится без аттракции к гл. *имать*). В денотативном классе имен субъектов исчезновения немногим больше фразеологизмов, возникших с опорой на исторический прецедент: см. устар. *погибоша аки обре* 'погибли, не оставив следа, исчезли бесследно' [ФСРЛЯ 2, 100], *сгинул как швед под Полтавой* [Снегирев 1996, 539], *пропасть как Бекович*⁶¹ [Снегирев 1996, 101; СРФ, 45].

В целом анализ предметных имен, выполняющих функцию субъекта-каузатора исчезновения, показывает, что типологию актантных компонентов целесообразнее проводить непосредственно в рамках какой-либо одной модели первичной мотивации. В этом случае денотативный класс перестает быть только списком актантов, указывающим на факт существования и возможность замещения той или иной семантической валентности, становясь перечнем неких предметных эталонов действий, ведущих к исчезновению. Описанные выше для каждого субъекта-каузатора семантические модели репрезентируют несколько типов первичной мотивации: изменение местонахождения объекта ('взять', 'схватив или подхватив, унести'), прятанье ('охватив, скрыть' (= поглотить)) и уничтожение ('сгореть', 'разъесть', 'съесть'). В соответствии с этим можно считать, что типичными носителями действия 'перемещение в пространстве' являются природные стихии (вода и ветер), животные и птицы, черт, в свою очередь, эталоном прятанья будет иней, изморозь, а уничтожения – огонь и медовая роса.

Если предполагать, что на когнитивном уровне типу первичной мотивации соответствует такая ментальная структура, как концепт, то с учетом вышесказанного конечная цель анализа денотативного уровня видится в том, чтобы определить состав участников прототипической ситуации, связанной с отдельно взятым концептом.

А.В. Волотковская

Лексика городской культуры в русских народных говорах

Лексика городской культуры в составе русских народных говоров является одной из форм языковой репрезентации оппозиции «свое – чужое». «Свое» в данном случае – это традиционное, относящееся к

⁶¹ Александр Бекович-Черкасский – один из сподвижников Петра I, который в 1717 г. был послан им в Хиву во главе экспедиции на поиски золота в русле Аму-Дарьи, а также с целью склонить хана к подданству России. В Хиве Бекович был вероломно убит (Большая советская энциклопедия. 2-изд. Т. 4. М., 1950. С. 406).